

**В. Г.
АВСЕЕНКО**

Василий Григорьевич Авсеенко

Серьезный человек (Петербургские очерки #24)

«Макаръ Андреевичъ Снѣжковъ считался серьезнымъ человекомъ. Но это была нѣсколько особаго рода серьезность: вертлявая, юркая, надоедливая. Онъ находился, такъ сказать, въ вѣчной борьбѣ со всѣмъ, что встрѣчается въ жизни несерьезнаго и неправильнаго. На все въ мірѣ у него была какая-то прописная точка зрѣнія, и онъ не переносилъ никакихъ отступленийъ отъ нея. Онъ всѣмъ всегда совѣтовалъ, всѣхъ поучалъ – убѣжденно, крикливо, съ непріятной манерой наступать на собесѣдника, брать его за рукавъ, за пуговицу, и – что хуже всего – обрызгивать его въ концѣ концовъ слюнями. Являлся онъ куда-нибудь всегда съ разбѣгу, бросалъ куда попало скверный пропотѣвшій котелокъ, втягивалъ широкими ноздрями воздухъ, и начиналъ прямо съ выговора...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Василий Григорьевич
Авсеенко
Серьезный человекъ**

Макаръ Андреевичъ Снѣжковъ считался серьезнымъ человекомъ. Но это была нѣсколько особаго рода серьезность: вертлявая, юркая, надоедливая. Онъ находился, такъ сказать, въ вѣчной борьбѣ со всѣмъ, что встрѣчается въ жизни несерьезнаго и неправильнаго. На все въ мірѣ у него была какая-то прописная точка зрѣнія, и онъ не переносилъ никакихъ отступленій отъ нея. Онъ всѣмъ всегда совѣтовалъ, всѣхъ поучалъ — убѣжденно, крикливо, съ непріятной манерой наступать на собесѣдника, брать его за рукавъ, за пуговицу, и — что хуже всего — обрызгивать его въ концѣ концовъ слюнями. Являлся онъ куда-нибудь всегда съ разбѣгу, бросалъ куда попало скверный пропотѣвшій котелокъ, втягивалъ широкими ноздрями воздухъ, и начиналъ прямо съ выговора:

— У васъ, батенька, жарко, духота! Что-же это вы въ такую погоду съ закрытыми окнами сидите? Вѣдь спертый воздухъ, это — погибель!

Если хозяинъ оправдывался боязнью сквозного вѣтра, Макаръ Андреевичъ училъ его:

— А вы фуфайку-то носите? Спасительная вещь! Я давно уже круглый годъ ношу. Вотъ и теперь, я весь въ поту, а посмотрите-ка...

И онъ засучивалъ рукавъ сюртука, вытягивалъ изъ подъ маншетки кромку грязной фуфайки, и заставлялъ не только осмотрѣть ее, но и ощупать.

— Безъ фуфайки, батенька, ни на шагъ. Да что это, я замѣчаю, вы какъ-будто прихрамываете? Тѣсны ботинки, а? Да вы у кого шьете? Я тридцать лѣтъ шью у Сухожилова, первый сапожникъ въ мірѣ! Совѣтую вамъ непременно къ нему перейти.

Позовутъ Макара Андреевича обѣдать, онъ и тутъ наставитъ, научитъ, объяснить гигиенической смыслъ cadaго блюда.

— Раки? Раки, батенька мой, надо въ маѣ есть, когда ихъ изъ Финляндіи привозятъ. Они тогда нѣжные, труповъ еще не нажрались. Рябчики? Для нихъ теперь время уже прошло, они только до новаго года хороши. Да вы гдѣ ихъ берете? Ихъ только у Сидорова, въ Пустомъ рынкѣ, и можно брать. Я тридцать лѣтъ тамъ ихъ беру.

Все это, по правдѣ сказать, дѣлало Макара Андреевича довольно несноснымъ. Но у насъ иногда за что-то любятъ такихъ людей. «Серьезный, моль, человекъ, всегда дѣло говорить».

Но только эта серьезность довела Макара Андреевича до бѣды.

Началось это издалека. Мѣсяца два, три назадъ въ семьѣ его и въ кружкѣ близкихъ знакомыхъ стали замѣчать, будто онъ дѣлается еще серьезнѣе, но притомъ меньше приста-еть, а больше задумывается. По утрамъ долго сидитъ надъ газетами, — читаетъ, читаетъ, вписываетъ что-то въ толстую тетрадь, и потомъ ходитъ цѣлый часъ изъ угла въ уголъ, поживаясь плечомъ и неодобрительно пошевеливая головой.

«Ужъ не пустился ли онъ сочинять воздухоплавательную машину?» подумала разъ его жена. А дочка, съ которой мать подѣлилась своей догадкой, сказала на это:

— Ну, чтожъ? Папенька такой серьезный человекъ, онъ можетъ сочинить. И тогда мы богатые будемъ.

Но хотя Макаръ Андреевичъ имѣлъ всѣ

данныя для того, чтобы сочинить воздухоплавательную машину и даже улетѣть съ ней на сѣверный полюсъ, идея эта не приходила ему въ голову. Удрученное состояніе его духа разъяснилось иначе.

Однажды, когда жена его, Александра Петровна, вышла къ нему поутру поздороваться, и по обыкновенію протянула губы, что-бы обмѣняться съ нимъ супружескимъ поцѣлуемъ, онъ тихо, но рѣшительно оттолкнулъ ее отъ себя.

– Что съ тобой, Макарчикъ? – спросила она съ удивленіемъ. Увы, авторъ не имѣетъ права скрыть, что она звала его Макарчикомъ.

– Ничего особеннаго, но отнынѣ мы не будемъ цѣловаться, – отвѣтилъ Макаръ Андреевичъ. Знаменитый нѣмецкій докторъ разъяснилъ въ обстоятельной монографіи страшную опасность, заключающуюся въ поцѣлуѣ.

– Но, мой другъ... если мы законные мужъ и жена, то какая же опасность? – возразила Александра Петровна.

– Все равно, съ гигиенической точки зрѣнія рѣшительно все равно, – отвѣтилъ Макаръ Андреевичъ. – Для гигиены не существуетъ за-

конныхъ поцѣлуевъ. Всѣ поцѣлуи безусловно опасны. Черезъ нихъ передаются всевозможныя болѣзни. На поверхности нашихъ губъ гнѣздятся мириады всяческихъ микробовъ, и мы, посредствомъ поцѣлуевъ, легкомысленно передаемъ ихъ другъ другу.

– Но, мой другъ... – пыталась снова возразить Александра Петровна.

– Довольно! никакихъ противорѣчій я не потерплю! – вскричалъ съ несвойственнымъ ему раздраженіемъ Макаръ Андреевичъ. – Довольно этой рутины, этой слѣпоты, этого бессмысленнаго пренебреженія къ спасительнымъ указаніямъ науки! Отнынѣ мы всѣ будемъ рабски повиноваться этимъ указаніямъ, и вести осмысленную жизнь, подобающую... серьезнымъ людямъ.

Александра Петровна удалилась, недоумѣвая. Черезъ минуту въ кабинетъ вбѣжала дочка, 17-лѣтняя Лиза. Она тоже подставила свой хорошенькій лобикъ для поцѣлуя, и Макаръ Андреевичъ, по разсѣянности, чуть было не поступилъ вопреки указаніямъ науки. Но опомнился, и только провелъ бородой по лицу дѣвушки.

– Папа, ты знаешь, сегодня Ольга Степановна именинница, надо непременно поѣхать ее поздравить, – сказала Лиза.

Макаръ Андреевичъ, вмѣсто отвѣта, съ задумчивымъ видомъ осматривалъ ея талію, потомъ дотронулся до нея рукою.

– Корсетъ? – спросилъ онъ почти шепотомъ.

– Да, корсетъ, – отвѣтила, ничего не понимая, Лиза.

– Снять!.. сейчасъ снять! – повелительно, поднявъ обѣ руки, произнесъ Макаръ Андреевичъ. – Корсетъ есть величайшее зло. Онъ препятствуетъ правильному физическому развитію женщины. Онъ долженъ быть безусловно изгнанъ изъ употребленія.

– Но, папочка...

– Никакихъ «но». Это азбука раціональной гигиены. Понимаешь-ли, несчастная, какому искалченію подвергаешь ты данный тебѣ природою и дивно приспособленный организмъ? Замуравливая себя живьемъ въ этотъ возмутительный ящикъ, ты подвергаешь свое тѣло медленному умиранію. Ты затрудняешь пищевареніе, кровообращеніе,

дыханіе. Затѣмъ, ты готовишься быть матерью. Физиологія поясняетъ намъ... Впрочемъ, нѣтъ, я увлекся. Ты дѣвушка, ты еще не должна объ этомъ думать. И тѣмъ не мѣнѣе, ты готовишься... Но все равно, я сказалъ: пищевареніе, кровообращеніе, дыханіе...

– Папочка, вѣдь безъ корсета нельзя нигдѣ показаться... – робко возразила Лиза.

– Не противорѣчь! Я не допущу, чтобъ моя родная дочь...

– Вѣдь надо сейчасъ ѣхать съ визитомъ къ Ольгѣ Степановнѣ, тамъ будутъ гости...

– Ты поѣдешь безъ корсета. Впрочемъ, погоди. Что такое – визиты? Имѣетъ-ли этотъ бессмысленный обычай логическое, или нравственное, или гигиеническое оправданіе? Ты знаешь-ли, какъ разсуждаютъ объ этомъ мыслители, моралисты, и наконецъ, репортеры?

– Не знаю, папочка, но только... надо послать за каретой, не правда-ли? Нельзя-же на извозчикѣ ѣхать.

Макаръ Андреевичъ отступилъ на два шага, и на этомъ разстояніи устремилъ на дочь пронизывающій взглядъ.

– Карету? Ты сказала: карету? Но вѣдь наемная карета – это вмѣстилище всевозможныхъ микробовъ и бактерій. Въ ней могли два часа назадъ везти опаснѣйшаго больного, оставившаго въ ней болѣзнетворныя выдѣленія. И ты хочешь ѣхать въ такой каретѣ!

Лиза пожала плечами, и съ недовольнымъ видомъ опустила голову. Макаръ Андреевичъ тоже потупился и запустилъ пальцы въ бороду.

– Хорошо, – сказалъ онъ черезъ минуту. – Я самъ съ тобою поѣду. Ты говоришь, у нихъ будутъ гости? Прекрасно, я поговорю съ этими затянутыми въ корсетъ дамами. Я объясню имъ, какую роль играетъ корсетъ по отношенію къ естественному развитію организма. Иди, я буду одѣваться. Но сними корсетъ, сейчасъ сними!

Лиза вышла со слезами на глазахъ.

Черезъ часъ отецъ и дочь садились на извозчика. У Макара Андреевича въ рукахъ былъ какой-то свитокъ, который онъ тотчасъ-же развернулъ. Оказалось, что это кусокъ гуттаперчевой клеенки, употребляемой при

операціяхъ. Онъ тщательно прикрылъ имъ сидѣнье пролетки.

– Такимъ образомъ, наше платье дѣлается непроницаемымъ для микробовъ, гнѣздящихся въ подушкѣ дροжекъ, – объяснилъ онъ. – Постой, куда ты? – вдругъ обратился онъ къ извозчику. – Обѣзжай кругомъ, я не позволю ѣхать по тѣмъ улицамъ, гдѣ торцовая мостовая.

– Почему? – изумилась Лиза.

– А ты не читала въ газетахъ, что такое торцовая мостовая? – заволновался Макаръ Андреевичъ. – Это цѣлая лабораторія болѣзнетворныхъ міазмовъ, гнѣздилище опаснѣйшихъ микробовъ. Сосновое дерево, вбирая въ себя нечистые экскременты, передается гніенію и можетъ служить источникомъ ужаснѣйшей заразы. Изумляюсь, какъ не уничтожатъ торцы, послѣ того какъ указано наукой, что единственная гигиеническая мостовая – булыжная.

Пролетка, между тѣмъ, такъ подскакивала на единственной гигиенической мостовой, что Лиза должна была крѣпко упираться ножками. Къ несчастью ея, Макаръ Андреевичъ

тотчасъ замѣтилъ эти ножки.

— Что это? Тѣсная обувь? Суетное желаніе, чтобъ нога казалась меньше? — вскричалъ онъ. — О, вотъ плоды нелѣпаго, пошлаго воспитанія и полнаго незнакомства съ рациональной гигиеной! Я не могу этого допустить. Извозчикъ, въ Гостиный дворъ. — Да, душа моя, я сейчасъ самъ выберу тебѣ просторную, разумную, рациональную обувь.

Лиза совсѣмъ расплакалась.

— Папа, я не поѣду къ Ольгѣ Степановнѣ; надо мной смѣяться будутъ, — всхлипывала она.

— Вздоръ, не будутъ. Ты увидишь, какъ я съ ними поговорю. Да и что такое «смѣхъ глупца». Надо дорожить мнѣніемъ серьезныхъ людей.

Имъ предстояло переѣзжать Невскій. Макаръ Андреевичъ быстро раскрылъ зонтикъ и уставилъ его въ видѣ щита.

— Это я дѣлаю, чтобы предохранить насъ отъ зловредныхъ міазмовъ, выдѣляемыхъ торцовою мостовой, — объяснилъ онъ.

Когда, черезъ полчаса, отецъ и дочь входили въ гостиную Ольги Степановны, на бѣдной

дѣвушкѣ лица не было. Корсажъ, надѣтый безъ корсета, и какія-то резиновыя калоши вмѣсто туфель, въ ту же минуту обратили на нее общее вниманіе. Публика переглядывалась, пересмѣивалась. Потомъ, осторожно, стали ее спрашивать. Макаръ Андреевичъ имѣлъ заранѣе торжествующій видъ. Онъ ждалъ момента. И вотъ, моментъ насталъ. Онъ заговорилъ.

Невозможно рассказать, что такое произошло. Крики, хохоть, истерическія взвизгиванія, потомъ почти перебранка, и опять хохоть, и наконецъ – какія-то двѣ дюжія руки схватили Макара Андреевича за плечи, повернули лицомъ къ двери, напялили на него пальто (оно оказалось чужое), нахлобучили шляпу – и онъ очутился на лѣстницѣ. Лизу удержали – съ ней сдѣлалась истерика.

Блѣдный, растерянный, прибѣжалъ Макаръ Андреевичъ домой, и тотчасъ заперся въ своемъ кабинетѣ. Прошло часа два – онъ не показывалъ признака жизни. Александра Петровна куда-то уѣхала. Затѣмъ, изъ кабинета осторожно высунулась голова Макара Ан-

дреевича и подозрительно оглянулась. Потомъ онъ вышелъ самъ, проскользнулъ по корридору, спустился по лѣстницѣ мимо остолбенѣвшаго швейцара, и медленными, мѣрными шагами направился по тротуару. Но въ какомъ видѣ! Онъ изображалъ собою чловѣка-сэндвича. На груди и на спинѣ его красовались два громадные картона, испещренные слѣдующими надписями, искусно выведенными разными красками:

«Смерть микробамъ! Здоровье – высшее благо. Долой торцы! Долой наемныя кареты! Оставимъ корсеты для проституціи! Раціональная обувь! Серьезное чтеніе!»

Вечеромъ того же дня Макара Андреевича привезли въ больницу Николая Чудотворца и сдали дежурному врачу. Онъ былъ буень.